

НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЕДИНИЦ И СРЕДСТВ, ИСПОЛЗУЕМЫХ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

Принято считать, что «первоначально литературный язык был противопоставлен только разговорному языку и языку художественной литературы. Однако в последнем столетии в нем активно развиваются научный и деловой стили. В связи с этим усложняется и задача изучения норм литературного языка, применяемых в различных сферах деятельности»¹. При таком подходе, в котором смешиваются понятия языка и стиля, в цепочке «разговорный язык — литературный язык — язык художественной литературы» каждый предшествующий элемент относится к последующему как частное к общему. Исходя из этого, можно предположить, что любой человек, узнав литературный язык, может исподволь овладеть и языком улицы, а зная язык художественной литературы, мы автоматически поймем и овладеем языком улицы, офиса, науки, политики и пр. На самом деле это не так, каждый из этих объектов обладает уникальной структурной и смысловой частью, характерной исключительно для него. В частности, государственный язык — это профессионально обработанный язык, отдельные системы которого взаимно согласованы для решения коммуникативных задач и достижения целей. Государственный язык — это прежде всего язык документа, имеющего различные оттенки правовой значимости. Участвуя в той сфере общения, в которой доминирует государственный язык, автор обязан следовать правилам, выработанным в этой области знания. В противном случае автор текста рискует потерпеть коммуникативную неудачу, поскольку нормы и правила, существующие в одной сфере доминирования, не во всем совпадают с нормами и правилами, существующими в других языковых типах.

В современном состоянии русский язык, как и другие мировые языки, включает в себя несколько типов коммуникации, или системных форм существования, с общими структурными элементами. Понятие

¹ Лачимова Л. Я., Гусева Т. И., Бегаева Е. В., Янсюкевич А. А. Современный русский язык: Практическое пособие. М., 2005.

«русский язык» охватывает такие разные типы коммуникации, как разговорная речь (с ее особым порядком образования и использования речевых норм и правил), включающая территориальные (диалекты), социальные (просторечия, профессиональные) и функциональные (жаргоны); литературный язык, характеризующийся нормированностью, стилевой полифункциональностью, стилистическим разнообразием; государственный язык, выделяющийся кодифицированностью, стилевой определенностью, стилистической нейтральностью; язык художественной литературы, включающий все типы коммуникации и предполагающий возможность использования речевых норм и устанавливаемых конкретным автором правил. Язык, используемый в произведениях художественной литературы, наиболее полно реализует весь репертуар норм и правил употребления языковых средств, выработанных в русском языке за весь период современного состояния.

Является бесспорным, что литературная и государственная формы существования языка наиболее близки друг другу. Однако их нельзя отождествлять. Это разные, хотя и соотносительные понятия. В качестве примера их нетождественности можно указать на так называемый «язык советской эпохи», или «новояз», который включает в себя все основные элементы, составляющие понятие государственного языка, но литературным языком не является. Вот что пишет об этом М. В. Широкова (аспирантка Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского): «Канцелярит проявляется на разных языковых уровнях (материалом для нашего исследования послужили также тексты средств массовой информации и речи политиков, записи живой разговорной речи). Наиболее ярко, на наш взгляд, в современной речи проявляются следующие особенности канцелярита.

Номинализация, т. е. замена глагола отглагольными существительными, причастиями, составными глагольно-именными сочетаниями. Номинализация была одной из особенностей советского языка, ориентированного на нормы документа. В настоящий момент подобная замена глагольных форм именными встречается в речи профессиональных журналистов, политиков, простых обывателей (*сбитие самолета, снятие блокады и нормализация обстановки, пронос ручной клади, удешевление стоимости кредита*);

Многословность (термин К. И. Чуковского). Замена простых оборотов и слов канцелярскими вызвана тем, что для многих носителей русского языка употребление таких выражений является признаком правильной книжной речи. Сейчас подобные обороты речи встречаются в основном в официальных текстах (*лица неопределенного назна-*

чения, занимаются трудовой деятельностью), в то время как в быту их практически перестали употреблять.

Лексические штампы речи. Они легко воспринимаются и усваиваются слушателем, потому что не требуют глубокого осмысления, но при этом оказывают большое влияние на формирование ценностных ориентиров коммуниканта (*слуги народа, взять ситуацию под контроль, борьба за кресла, стремительные темпы, передовые позиции*). Очень часто используются словосочетания со словом проблема (*проблемы с отоплением, проблема семьи, материальные проблемы россиян, проблемы пенсионеров, проблема „коммуналки“*).

Иногда используются лексические штампы, «позаимствованные» из советского времени (линия партии, битва за урожай); отыменные предлоги (в ходе наших встреч с избирателями; из-за того, что... ввиду того, что Москва и область...; в силу своего возраста; в отсутствие дефицита; допрашивали на предмет дач и доходов).

Штампованность логической структуры официальных текстов. Речи современных политических деятелей строятся по шаблону (*демократическая риторика, хвала лидеру партии, восторг по поводу своей программы, недовольство действующей властью*), лишены индивидуальности и в этом смысле мало отличаются от речей политических деятелей советской эпохи. Подобная стереотипность характерна не только для политической речи. Это «жанроспецифическая черта массовой литературы».

Таким образом, как показывают результаты наших наблюдений, возникновение и функционирование канцелярита на разных уровнях языка в советское и постсоветское время можно объяснить следующими причинами.

Канцелярит существует в информационных обществах, он нужен власти для того, чтобы манипулировать аудиторией, для эвфемизации действительности.

Многие носители современного литературного языка не умеют разграничивать книжный язык и разговорную речь, при создании текстов устной разговорной речи за основу берут языковые особенности книжных стилей.

Современные носители литературного языка ориентируются на нормы средств массовой информации, поэтому ошибки в речи дикторов, общественных деятелей воспринимаются ими как образец².

² См.: Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», размещенные в интернете по адресу: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/shirokova_mv.doc.pdf.

Сошлемся также на мнение, высказанное в составленной в московской гимназии № 1636 справке о понятии «канцелярит»: «Мы знаем, что язык наш бывает литературным и разговорным, устным и письменным, поэтическим и деловым. Но есть еще один вид русского языка, этакий язык в языке, тот самый канцелярит, о котором говорится в справке. Это язык документов и чиновников. Тогда зачем говорить о нем в нашем музее, спросите вы. Непременно надо говорить! Во-первых, потому что это одна из сторон существования русского языка, о которой не упомянуть было бы неверно. Во-вторых, потому что, увы, но канцелярский стиль, изначально существовавший только на бланках справок и отчетов, просочился в разговорную речь и укрепил там свои позиции. Вот припомните, не писали ли вы когда-нибудь в поздравительной открытке близкому человеку: „желаю успехов в труде и личной жизни“, „желаю новых достижений“, „творческих удач и благополучия“? Наверняка писали. А разве в этих словах есть тепло и искренность, душевность и любовь к близкому? Нет, это слова холодные, сухие, бездушные и обезличенные, которые хороши для передовиц газет, но не для частного поздравления»³.

В приведенных примерах отчетливо выражено общественное мнение, согласно которому литературный язык и государственный язык (в типовых проявлениях официально-делового стиля) представляют собой различающиеся явления. Образованные носители языка отмечают разницу в стилях не только по различию в лексическом составе, но и по характерным словосочетаниям и синтаксическим конструкциям. Специалисты отмечают разницу в составе используемых коммуникативно-риторических конструкций. В целом, говоря о различиях между общелитературным языком и государственным языком, можно отметить разновидности языковых норм, существующие практически на каждом уровне лингвистического описания. При этом свои традиции культуры речи складываются не только в сфере действия общелитературного языка, но и в вырабатываемом новом варианте государственного языка. В этих областях речевой деятельности растут требования к коммуникативной компетенции. Российское общество усложняется, становятся более сложными и разнообразными производственные отношения. Государство все больше хочет быть понятным для своих граждан и понятным всеми согражданами, поэтому наряду с политическими, экономическими и социальными изменениями произошло и существенное обновление

³ Взято из справочной словарной статьи, размещенной в интернете на сайте «Музей русского слова» по адресу: http://sch1636.ru/_/mrs/p29aa1.html.

арсенала русской речевой деятельности в сфере официальной, массовой, публичной коммуникации.

Специалисты неоднократно отмечали, что массовое вторжение иноязычных слов, активизация процессов словообразования по определенным моделям преобразуют языковой облик многих жизненно важных областей знания: политики, экономики, финансового дела, массовой культуры. В результате частично разрушенными оказываются стилевая иерархия и стилевые границы. Низкая речевая культура, скрытая ранее в частной жизни, легко опознается по сниженной разговорной лексике, проникающей в публичное коммуникативное пространство. Средства массовой информации вольно или невольно тиражируют эти образцы примитивной жаргонной речи. Все большую, еще до конца не оцененную роль в формировании особенностей современной русской речевой среды начинает играть общение в интернете, где новые технологические возможности радикально преобразуют сложившиеся коммуникативные нормы и правила. Буквально на наших глазах возникает публичная дневниковая интернет-культура, а новые правила языковой игры порождают в пространстве интернета разнообразные шуточные жаргонно-речевые маски.

Публичная социально ориентированная общественно-политическая деятельность, ведущаяся на русском литературном языке, начинает заметно влиять на формирование и реформирование арсеналов языковых средств, используемых в одной из двух сфер общения: нормы официально-делового стиля становятся стилеобразующими факторами, диктующими закономерности функционирования русского языка в функции государственного. Нормы разговорного общелитературного языка детерминируют остальные типы коммуникации, включая публицистический стиль, который раньше был частью официальной письменной культуры.

Русский язык заметно усложняется за счет активного изменения и развития государственной формы языка. В ней сокращается использование разнообразных синтаксических, лексических, семантических структур, в которых форма не согласована с содержанием или сложная языковая конструкция имеет бедное содержание. Усложнение языка происходит также и в связи с ростом требований к согласованию содержания, избираемых языковых средств с коммуникативной ситуацией, сохранению орфоэпического, орфографического, морфологического единства стиля речи. В современной речевой деятельности говорящий должен уметь делать обоснованный выбор среди возможных литературных вариантов русского языка в соответствии с коммуникативной ситуацией и целью коммуникации. При восприятии

текстов требуются хорошие навыки обоснованной интерпретации их содержания.

Изменения в традициях культуры письменной речи обусловлены тем, что нормирование языковой деятельности на русском языке перестало быть стихийным и все больше становится сознательным. Без этого невозможно увеличить эффективность коммуникации (т. е. устойчивое взаимопонимание между ее участниками), следовательно, кодификация как литературных, так и государственных функционально-стилистических форм языка следует в русле общих законов русского языка (объективно выявляемых зависимостей) и языковых правил (практических инструкций по осуществлению речевой деятельности). Кодификация, формально распространяясь на все существующие литературные стили, в действительности реализуется внутри одного или нескольких функционально близких стилей речи. При нормировании речевого употребления языковых средств в текстах официально-делового жанра необходимо учитывать требования, которые предъявляются к любому тексту, использующему государственный язык в целях воздействия на широкую читательскую аудиторию. Это требования точности, ясности, полноты, наглядности, краткости, последовательности изложения.

- **Точность** описания проявляется в тщательном отборе словесных характеристик данных о предмете, в отнесении предмета описания к родовой категории, в нахождении необходимых сравнений и в указании признаков, по которым предмет описания может быть легко отождествлен и различен с подобными.
- **Ясность** проявляется в отборе словесных средств, которые исключают двусмысленность выражений и обеспечивают воспроизводимость описания.
- **Полнота** проявляется в том, что описание является исчерпывающим: сообщаются необходимые и достаточные данные о предмете.
- **Наглядность** описания проявляется в том, что автор создает запоминающийся образ предмета, используя конкретные характеристики. Описание строится так, как будто читатель держит в руках налима, последовательно разглядывая его от головы через брюхо к хвосту и затем через спину опять к голове, затем обращает внимание на общий вид и свойства рыбы — форму тела, чешую и слизь, после чего переходит к сопоставлениям разновидностей налимов.
- **Краткость** описания проявляется в отборе минимально необходимого и достаточного состава данных. Требование краткости означает, что в описании должно быть обозримое число основных частей

описываемого предмета (не более пяти-семи), которое позволяет читателю не утратить в ходе изложения единый образ предмета.

- **Последовательность** проявляется в правильном расположении описания: оно начинается с общего — отнесения вида к роду и с указания на распространение рода; затем автор последовательно переходит к частному — строению тела налим, его окраске — и завершает описание указанием на половые, возрастные различия и разновидности налимов. Последовательность описания может быть дедуктивной — от общего к частному (деталю), от частного (деталей) к общему, но наилучшим является смешанное построение: от общего к деталям, а затем опять к обобщению.

В области юридической деятельности и близких с ней областях особенно явно ощутима потребность в планомерной кодификации русского языка как государственного языка РФ. Именно здесь необходимо безукоризненно соблюдать нормы и правила русского литературного языка, используя для этого действующие «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденные Академией Наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР, введенные в действие Приказом Министра просвещения РСФСР № 94 от 23.03.1956. Однако языковые изменения, связанные с увеличением объема знаний и зафиксированные в текстах, которые были написаны за годы, истекшие со времени утверждения, требуют новой редакции этих Правил.

Норма права как таковая, как правило поведения, представление о должном, не может существовать вне выражения посредством естественного языка. Как отмечал Н. И. Грязин, «...то, что юристами впоследствии применяется, критикуется, изменяется, есть, строго говоря, не сама норма права, а ее образ, отражение»⁴. Специалисты в области юриспруденции требуют излагать нормативный акт ясно, экономично, выразительно, просто, точно, литературным языком, придерживаться официального стиля, верно использовать терминологию и т. п. Однако лингвистическое содержание этих требований обычно остается незаполненным. Вернее, оно заполняется интуитивно, по мере разумения. Ведь до сих пор не выработано точных лингвистических критериев, позволяющих отличить текст, удовлетворяющий предъявляемым требованиям, от иных текстов.

Очевидным требованием является также соблюдение правил русской орфографии и пунктуации, без чего невозможно добиться точности, ясности, определенности языка нормативного акта. Соб-

⁴ См.: Грязин Н. И. Текст права. Таллин, 1981. С. 22.

людение правил русского языка можно рассматривать как базовое требование к языку нормативных правовых актов, основу для дальнейшего совершенствования текстов, написанных на государственном языке⁵. Понимание необходимости соблюдения правил русского языка отразилось в ряде нормативных актов (например, п. 36 Положения о нормативных правовых актах ГТК России, утвержденного Приказом ГТК России № 1155 от 14.12.2000).

Правила русского языка важны и на стадии правоприменения. Именно на основании языка акта правоприменители уясняют для себя содержание нормы. В юриспруденции отдельно выделяется такой способ толкования, как грамматическое толкование — уяснение и (или) разъяснение смысла нормы права, исходя из того, какое словесное оформление получила эта норма (какие слова использованы, как они связаны между собой). Данный способ толкования имеет приоритетное значение, иные способы (логический, исторический, телеологический и т. п.) должны использоваться лишь тогда, когда грамматическое толкование не дает результата (приводит к абсурдному, противоречивому результату). Приоритет обусловлен тем, что правотворческий орган выражает свою волю через текст нормативного акта, следовательно, исходя из текста, и нужно уяснять содержание этой воли (т. е. содержание нормы права). Обращение к иным источникам (истории создания акта, логике и т. п.) чревато искажением смысла нормы, неоправданным расширением усмотрения, волюнтаризмом правоприменителя. Указанный приоритет основывается на презумпции грамматически правильного выражения своей воли правотворческим органом. Презюмируется, что нормативные акты пишутся на русском языке в соответствии с Правилами русской орфографии и пунктуации, а следовательно, и толковаться они должны в соответствии с такими правилами.

Приоритет грамматического толкования влечет необходимость уделять большое внимание языковому оформлению норм права. Малейшая неточность, отсутствие запятой, неверный падеж, не тот вид глагола могут существенно исказить смысл нормативного акта, привести к тому, что акт будет пониматься и применяться совершенно не так, как рассчитывал правотворческий орган. То, насколько важна языковая формулировка нормы для ее понимания и применения, многократно подтверждалось практикой. Можно привести множество

⁵ См. об этом более подробно в статье: *Вавилова А. А.* Значение орфографии и пунктуации в тексте нормативного правового акта // Юрислингвистика VIII. Русский язык и современное российское право. Кемерово; Барнаул, 2007. С. 61.

примеров применения грамматического толкования правовых норм, в помощь которого устранялась существующая неоднозначность. Рассматривая вопрос о том, как должна расцениваться ошибка в тексте нормативного акта, А. А. Вавилова пишет: «Для ответа на этот вопрос необходимо дать классификацию грамматических ошибок с точки зрения юриспруденции, а не лингвистики. В этом случае не столь важно, какое конкретно правило русского языка нарушено: допущена ли орфографическая или пунктуационная ошибка, какого рода эта ошибка и т. п. Важно то, насколько ошибка влияет на понимание текста нормативного акта, искажает значение текста. С этой точки зрения можно выделить такие виды ошибок.

1. Ошибки, не влияющие на смысл текста. Это ошибки, которые очевидны, — текст акта обретает смысл только в случае, если признать, что в нем присутствует ошибка. Если же придерживаться официальной орфографии и пунктуации текста, текст бессмыслен с лингвистической точки зрения. Примером могут служить приведенные выше пропуски слов, неверное согласование и управление. Данные ошибки сравнительно безвредны, поскольку не могут повлиять на понимание текста акта.

2. Ошибки, искажающие смысл текста до абсурдного. В данном случае с лингвистической точки зрения текст нормативного акта правилен. Однако, если вникнуть в смысл текста, обнаружится его абсурдность. Примером может служить приведенное выше установление ответственности за своевременные действия, компенсация организацией своих же расходов. Данные ошибки не наносят существенного вреда. Конечно, они придают акту иное значение, чем то, в котором он должен пониматься и применяться. Однако понять акт ошибочно (не увидеть ошибки в тексте и истолковать текст в соответствии с буквальным значением) может только тот, кто не имеет никакого представления о предмете регулирования акта. Если же читающий имеет хотя бы минимальные знания о регулируемой области, абсурдность значения сразу будет замечена. Соответственно, сразу будет определено, какая ошибка допущена в тексте и как в действительности надо понимать текст.

3. Ошибки, искажающие смысл текста. Такого рода ошибками можно назвать те, которые искажают смысл текста, однако не столь сильно, чтобы значение текста с ошибкой было абсурдно. Ошибка придает тексту новое значение, допустимое в рамках данной правовой системы. Примером может служить приведенная выше запятая из Конвенции. Это наиболее опасные ошибки. Для того чтобы выявить их, требуются глубокие специальные знания по предмету регули-

рования нормативного акта. Такими знаниями обладает далеко не каждый юрист; соответственно, вероятность того, что будет усвоено и реализовано неверное значение нормы, очень велика. Данные ошибки требуют обязательного скорейшего устранения.

Исходя из такой классификации, можно было решить вопрос о последствиях орфографической или пунктуационной ошибки в тексте акта следующим образом.

Если речь идет об ошибке первого вида, акт реализуется так, как будто ошибка не была допущена. Такой подход представляется правильным, так как ошибка очевидна и иначе было бы невозможно применить акт. Если речь идет об ошибке второго вида, подход остается в целом таким же — применение нормы в соответствии с ее реальным значением. Однако в этом случае есть варианты — применить акт в соответствии с его точным текстуальным значением или же в соответствии со значением, которое он имел бы без ошибки. Поэтому нужно обосновать, почему буквальное значение текста проигнорировано, на основании чего решено, что правотворческий орган допустил ошибку в тексте (а не хотел урегулировать отношения так, как это вытекает из буквального значения). Сделать это несложно, так как буквальное значение в подобных случаях приводит к абсурдным, противоречивым результатам.

Для ошибок же третьего вида вопрос решается значительно сложнее, поскольку появляется несколько вероятных (хотя и необязательно равно логичных, согласующихся с иными нормами, разумных) толкований нормы. Одно основано на буквальном смысле текста, иное (иные) — на предположении, что нормотворческий орган допустил ошибку и в результате выразил в тексте не ту мысль, которую намеревался выразить. Принять подобное (подобные) толкование — значит проигнорировать текст, который прямо выражает волю правотворческого органа, и начать «угадывать» его волю на основании критериев логичности, разумности, непротиворечивости (во многом на основании правосознания правоприменителя).

Это может привести к неоправданному расширению усмотрения правоприменителя и может быть опасно для правовой системы. С другой стороны, нормативный акт должен применяться в соответствии со своим действительным содержанием: если в тексте допущена ошибка, применить норму в значении, обусловленном ошибкой, значило бы проигнорировать волю правотворческого органа»⁶.

⁶ *Вавилова А. А.* Значение орфографии и пунктуации в тексте нормативного правового акта // *Юрислингвистика VIII. Русский язык и современное российское право.* Кемерово-Барнаул, 2007, с. 66–67.

Разумеется, если в тексте, написанном на государственном языке, были нарушены правила орфографии или пунктуации, то понимать текст нужно так, как если бы этой ошибки не было. Однако в ряде случаев бывает сложно решить, идет ли речь об ошибке или же текст содержит то значение, которое следует при буквальном прочтении. В этом случае представляется необходимым исследование более широкого контекста, которое можно осуществить, проведя лингвистическую экспертизу текста.

В свою очередь лингвистическую экспертизу текста можно проводить только при наличии авторитетных справочников, содержащих подробную нормативную характеристику всего арсенала языковых средств, используемых в современном русском литературном языке.